

Въ первые годы нашего знакомства (это уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ) Л. Н. сильно увлекался еврейской литературой и усердно читалъ все, что касалось библіи и талмуда, и въ особенности очарованъ былъ волшебнымъ міромъ древнихъ легендъ, полныхъ свѣтлага, лучистаго вдохновенія.

— Въ нихъ есть что-то,—говорилъ онъ,—необыкновенно мягкое и трогательно-величественное, какъ розовая заря въ тихое утро. И что болѣе всего дорого въ нихъ—что постоянство вѣчной темы о вѣчныхъ тайнахъ души человѣка. И какъ близко тутъ христіанство,—какъ небо на горизонте отъ земли—вотъ—вотъ, кажется, рукой подать!..

И Левъ Николаевичъ, читая легенды по различнымъ переводнымъ сборникамъ, обрабатывалъ сказанія въ христіанскомъ духѣ и, помню, часто дѣлился со мной набѣгавшими яркими образами старины, освѣщенными кроткимъ свѣтомъ новаго ученія, которому Л. Н. предался всей душой, и которымъ онъ такъ мастерски умѣеть заразить и чужую душу.

— Эти забытыя легенды—это синѣющее тихое море поэзіи съ уединенными берегами, отъ которыхъ давно ушелъ океанъ, но которое мѣстами сохранило еще узкія ленточки проливовъ, заросшихъ кустарникомъ забвенья. Вотъ, напр., одна изъ такихъ легендъ, легенда о пролитой крови.

Когда царь Навуходоносоръ взялъ Іерусалимъ и вступилъ въ храмъ, его привели въ палату священниковъ.

Царь въ ужасъ отпрянулъ и остановился у входа.